У Дань Цзинцю появилось несколько подозрений после прочтения этой истории.

Основываясь на своём опыте в прошлом мире, она поняла, что даже в мире романов всё, что казалось нелогичным, на самом деле следовало логике, и изменения в сюжете были инцидентами, которые были возможны в реальности.

Но смерть мужа, Линь Цзяньго, казалось, не соответствовала нормальному течению логики.

Как у честного и послушного фермера вдруг возникло желание последовать за контрабандистом и иметь с ним дело?

Это не могло быть из-за денег, потому что они уже привыкли жить в бедности.

В конце концов, до разделения семей Сунь Цзиньхуа имела полный контроль над финансами всей семьи. Ни одно зёрнышко риса не могло быть скрыто от неё.

В семье не было ни болезней, ни чрезвычайных ситуаций, которые требовали бы быстрых денег, так почему же у Линь Цзяньго вдруг возникло желание продавать контрабандные товары?

Не говоря уже о том, что его жена была в полном неведении об этом инциденте. Если бы не вернувшийся крестьянин, который нашёл его лежащим на земле с окровавленным лицом и вернул Линь Цзяньго, тело мужчины пропало бы навсегда.

Если бы его тело внезапно не вернули вместе с корзиной для сбора, в которой лежало обычное военное снаряжение, которым он торговал вместе с контрабандными товарами. Тогда его жена, вероятно, умерла бы, так и не узнав, что делал её муж, когда взял выходной у фермерской бригады.

К счастью, это был Сунь Цзиньшу, один из простодушных жителей деревни, а также младший брат Сунь Цзиньхуа, который опознал тело Линь Цзяньго, которое лежало на обочине дороги в его собственной крови. И поэтому он в отчаянии бросился назад, чтобы сообщить об этом Сунь Цзиньхуа. Услышав эту новость, жена умершего в замешательстве последовала за Сунь Цзиньхуа, увидела безжизненное тело своего мужа и заметила, что Сунь Цзиньхуа поспешно спрятала всё, что было внутри корзины для сбора.

Естественно, первоначальная хозяйка была не из тех людей, которые посчитали бы это подозрительным. Она всё ещё была потрясена и пыталась смириться с тем, что её муж без всякой причины покинул дом, таинственно умер на улице и в конечном итоге оставил её вдовой.

Но то, что эта глупая женщина не заметила, не означает, что Дань Цзинцю не заметила.

Разве эта повседневная военная одежда не была популярной, потому что её можно было носить вместо официальной военной формы?

Кроме Линь Цзяньдана и Линь Синхуа, которым была предоставлена возможность продолжить образование в этой семье, был ли кто-нибудь ещё, кому понадобились бы такие экстравагантные предметы? Кто ещё в семье не будет счастлив обычным новым тряпкам?

Но, учитывая моральные принципы Сунь Цзиньхуа, подобные действия не были неожиданными.

Репутация Линь Яоси, как её мужа, в деревне оставалась очень важной для Сунь Цзиньхуа. В конце концов, они полагались на влияние его брата, Линь Яодуна, чтобы добиться успеха. Сунь Цзиньхуа не могла себе представить, что произойдёт, если репутация их семьи будет запятнана, особенно как это негативно повлияет на шансы её драгоценного сына, Линь Цзяньдана, поступить в армию и получить достойную работу!

Так что изгнание Дань Цзинцю до того, как Линь Цзяньго был даже похоронен, выглядело совершенно противоречивым тому, как Сунь Цзиньхуа обычно справлялась с делами.

Посреди всего этого хаоса у Дань Цзинцю зародилось предположение.

Конечно, это всё равно нужно будет проверить.

***

Наблюдая за Дань Цзинцю, казалось бы, погружённой в свои мысли, Сунь Цзиньхуа вышла из себя.

Судя по её обычному характеру, после того как её отругали до такой степени, эта глупая невестка должна была долго плакать, стоя на коленях на полу и умолять о прощении. Но теперь она просто стоит и тупо смотрит в ответ. Неужели она сошла с ума?

Сунь Цзиньхуа не могла не испытывать чувства потери. Хотя много лет назад она приняла решение не считать этих несчастных детей своими, они всё ещё были частью её плоти, поэтому невозможно было остаться равнодушной.

Но если она не избавится от этой невестки, что, если…

С этой мыслью Сунь Цзиньхуа укрепила свою решимость. Она должна выгнать эту женщину из дома сегодня же! Что касается двух маленьких детей этой женщины, она просто будет держать их рядом и отвлекать домашними делами.

Сунь Цзиньхуа злобно заблокировала ногой то, что она пыталась скрыть, и начала эмоционально причитать.

— Мой бедный сын! Твоя проклятая жена пытается проклясть всю твою семью. Она хочет, чтобы твоя мать умерла ужасной смертью. Я не должна была позволять тебе жениться на этой гадюке. Это всё моя вина! О-о-о, Цзяньго…

С таким преувеличенным и серьёзным выражением лица незнакомые люди неосознанно приняли бы этого человека за любящую мать.

Дань Цзинцю возвышалась над ней и наблюдала за юмористическими выходками свекрови.

Чем более преувеличенно действовала Сунь Цзиньхуа, тем больше она была уверена в своих догадках и решила посоревноваться со своей актёрской игрой. Дань Цзинцю также обладала одним или двумя навыками, когда дело доходило до фальшивого траура.

— Цзяньго, как ты можешь так просто умереть?! Как наша мать может выжить в одиночку? Цзяньго, как ты можешь сделать меня вдовой и оставить наших детей без отца?! — словно придя в себя, ранее холодная и бесчувственная Дань Цзинцю внезапно опёрлась рукой о стену, чтобы унять дрожащее тело, и драматически вскрикнула.

Услышав её крики, Сунь Цзиньхуа почувствовала, что её выбили со сцены.

Кто может винить её за отсутствие искренней привязанности? Даже если они у неё и были, всё это было принесено в жертву её личным интересам.

Прежде чем она успела среагировать, Дань Цзинцю резко набросилась на тело Сунь Цзиньхуа, как голодный тигр, настигающий свою добычу и отчаянно сражающийся.

Первоначальная хозяйка тела и её семья никогда не получали достаточного питания. Её можно было даже сравнить с Ведьмой из Белой Кости*, в то время как фигура Сунь Цзиньхуа была пухлой, как округлая жемчужина, что было нелегко достичь в эту сложную эпоху.

П.п.: Женщина-демон из «Путешествия на Запад», чья первоначальная форма — голый скелет.

Дань Цзинцю прицелилась и с треском приземлилась на двигательный сустав на теле Сунь Цзиньхуа, а затем усилила свои вопли, чтобы скрыть болезненный плачь Сунь Цзиньхуа. Поскольку свекровь уже много лет не занималась физическим трудом, она не смогла преодолеть силу невестки и в конечном итоге была придавлена.

Чувствуя огромную боль, пронизывающую её тело после того, как её ударила костлявая невестка, измученная Сунь Цзиньхуа была готова разразиться бурей. Однако, когда она вдруг мельком увидела самого большого сплетника, Ли Цуйхуа, из-за опущенной головы Дань

Цзинцю, тайно наблюдавшей за их перепалкой, ей пришлось быстро проглотить свои проклятия.

— О, мой бедный сын, как ты можешь так нас оставлять…

Сунь Цзиньхуа быстро возобновила свои крики. Возможно, из-за её толстой фигуры, когда она действительно приложила усилия, её голос, наконец, заглушил звуки её невестки, и как раз в тот момент, когда Сунь Цзиньхуа собиралась снова назвать её проклятием, убивающим мужа, Дань Цзинцю наклонилась к её уху.

Её голос мгновенно вызвал озноб. Дань Цзинцю воспользовалась этой возможностью, чтобы наклониться и прошептать на ухо Сунь Цзинхуа, зная, что она всё ясно слышит:

— Мама, как ты думаешь, другие люди знали, что мать Линь Цзяньдана была замешана в контрабанде?

Это привлекло внимание Сунь Цзиньхуа, и она тут же замерла, но, увидев Ли Цуйхуа краем глаза, не осмелилась перестать плакать. Только она знала, что за её отчаянными воплями скрывалось глубокое чувство страха.

Как… как она узнала?

Сказал ли ей Цзяньго? Невозможно! Где он найдёт мужество?

Он не мог даже спокойно умереть, не доставив ей беспокойства!

Пока она была погружена в свой плач, каждое слово из этого слабого шёпота продолжало обвивать уши Сунь Цзиньхуа.

— Мама, это полный комплект повседневной военной одежды. Это не единственная вещь в этой корзине, верно?

— Мама, скажи, как ты думаешь, что было продано в обмен на такую сумму?

— Как ты думаешь, наша семья будет в порядке, если я сообщу властям?

— Я просто женщина, которая уже потеряла своего мужчину. В худшем случае я просто снова выйду замуж. Я слышала от нашего младшего дяди, что новой тенденцией в городе стало «справедливое правосудие против своей семьи ради общего блага». Я необразованная душа, так что, мама, как ты думаешь, что это значит?

Сунь Цзиньхуа охрипла, но ей нужно было продолжать плакать. Дань Цзинцю использовала каждую унцию силы, чтобы крепко обнять её, и только она знала, как больно ей было держать её.

Но кого волнует, была ли боль физической или душевной.

Одно можно сказать наверняка: этому вопросу суждено было иметь плохой конец!

Линь Синхуа и Ли Цуйхуа, наблюдавшие за происходящим со стороны, были ошеломлены.

Линь Синхуа задавалась вопросом, почему мать со слезами на глазах обнимала свою невестку, когда она только что настаивала на том, что прогонит эту женщину и потребует дом для своей дочери!

Может ли это быть… Может быть, причиной тому был призрак её старшего брата?

От одной мысли об этом у неё по коже побежали мурашки. Но даже если бы она хотела притвориться, что скорбит, слёзы просто не пролились бы.

Ли Цуйхуа, которая раньше пряталась за дверью и тайно наблюдала, теперь откровенно смотрела на них, положив руку на бедро.

Ей это показалось странным. Как первая деревенская сплетница, она была хорошо знакома с семейным положением Линь Яоси.

Если Сун Цзиньхуа была способна заботиться о своём старшем сыне, то свиноматки могут лазить по деревьям.

Просто чтобы внести ясность, когда они тогда были бедны, Сунь Цзиньхуа почти продала своего старшего сына!

Так что же здесь происходит? У неё наконец-то появилась совесть, или это призрак дёргает за ниточки?

Ли Цуйхуа задумчиво потёрла подбородок. Могла ли она переоценивать, насколько плоха была эта старая кошёлка? Была ли Сунь Цзиньхуа лишь немного предвзятой, когда дело касалось её детей?

Отвернувшись, она быстро убежала. Произошло нечто столь же странное, как восход солнца на западе. Как она может держать эту новость при себе?

Разве она не бежала всю дорогу сюда, притворяясь, что ей нужно в туалет только ради этой сплетни?

Она должна поспешить и распространить эту новость среди всех — Сунь Цзиньхуа изменилась! Она, наконец, пришла в себя после смерти своего сына, и не только опечалилась его смерти, она даже относилась к своей невестке как к человеку! Эти двое были замечены крепко обнимающими друг друга и плачущими вместе!

…

После мучительных усилий Сунь Цзиньхуа, наконец, смогла вырваться из «медвежьих объятий» своей невестки, но она всё ещё не могла понять, как именно её поступки стали известны.

Она неоднократно напоминала сыну, чтобы он никогда не рассказывал об этом жене. Неужели её сын действительно осмелился противостоять ей?

Она не могла понять этого, как ни старалась, и не могла пойти спросить своего мёртвого сына!

Раздосадованная тем, что она ломает голову, Сунь Цзиньхуа решила перегруппироваться с остальной частью своей семьи в ту ночь, прежде чем сделать ещё один шаг. В конце концов, Дань Цзинцю не выглядела так, будто она притворялась загнанной в угол.

Она не могла позволить себе дальше проверять свои границы, чтобы случайно не задеть ценную вазу, пытаясь охотиться на крысу!

Сунь Цзиньхуа на ходу потирала свою болезненно пульсирующую руку. Она издали заметила Ли Цуйхуа в центре группы женщин средних лет, выразительно жестикулирующую и громко рассказывающую толпе свежую сплетню.

Что-то ещё произошло в последнее время? Почему эта старая дева из соседней деревни поднимает шум?

Когда она присоединилась, чтобы послушать толпу, её лицо потемнело.

— Сунь Цзиньхуа обнимала свою старшую невестку и плакала. Они вдвоём лежали на земле и плакали от всего сердца! Да, это так жалко. Кто бы мог подумать, что Цзяньго просто умрёт после удара камнем! — голос Ли Цуйхуа был громким и кристально чистым.

Зеваки не могли не присоединиться к ней.

— Да, это так жалко — быть вдовой с маленькими детьми. Неудивительно, что Цзиньхуа

перестала издеваться над невесткой.

— Да, да, да, Сунь Цзиньхуа плакала так сильно, что потеряла голос. Она всё ещё плакала, хотя у неё больше не осталось слёз, да…

…

Группа сплетников повернулась к приближающейся Сунь Цзиньхуа.

С чёрным, как дно у горшка, лицом Сунь Цзиньхуа была так зла, что её голос прозвучал в вздымающихся клубах воздуха:

— Я… — в тот момент, когда она заговорила, боль от объятий Дань Цзинцю снова вернулась и она была такой огромной, что остаток фразы застрял у неё в горле.

Видя, что тело Сунь Цзиньхуа было покрыто грязью (от того, что она каталась по земле), с пепельным выражением лица (от гнева), в то время как она беспомощно сжимала руки (от того, что её больно сжимали), и, прежде всего, потеря её голоса — всё это заставило всех увидеть её в другом свете.

Это мгновенно подтвердило слова Ли Цуйхуа и стёрло все сомнения в умах каждого.

«Ай, эта Сунь Цзиньхуа, что она делала? Теперь ты понимаешь, что значит сожалеть о том, что твоего сына больше нет?»

«Сунь Цзиньхуа тоже пришлось нелегко. Похоже, смерть Цзяньго была для неё огромным ударом!»

Хотя она не могла слышать мысли окружающих её людей, Сунь Цзиньхуа чуть не стошнило кровью, когда она услышала их настойчивые соболезнования. Кто знал, что эти люди коронуют её как какую-то исправившуюся хорошую мать, которая сожалеет о своём прошлом выборе?!

http://tl.rulate.ru/book/47685/1447422